

Польский вопрос в сентябре 1939 г.

(По материалам советской прессы и дипломатической почты)

Антон Решетов

Антон Решетов родился в Ленинграде. В настоящее время студент исторического факультета (кафедра истории славянских и балканских стран) Санкт-Петербургского государственного университета; научный руководитель — д.и.н., проф. В. А. Якубский. Сотрудник отдела газет Российской национальной библиотеки. Эл. адрес: reszetow@gmail.com

Введение

Вторая мировая война, по разным оценкам унесшая от 50 до 70 млн жизней — крупнейший военный конфликт в истории человечества. Она охватила 62 государства, в которых проживали более 2 млрд человек, число мобилизованных достигло 110 млн человек¹. Потери СССР в этой войне составили около 30 млн, Германии — 13,6 млн, Польши — более 6 млн человек².

В результате Второй мировой войны кардинальным образом изменилась политическая карта мира. Была разрушена колониальная система, в мировой политике ослабла роль Западной Европы, США и СССР обрели статус сверхдержав. На Балканах, в Восточной Европе и Прибалтике, в ходе Второй мировой войны занятых частями Советской Армии, были установлены лояльные СССР социалистические режимы. Европа оказалась разделена на два лагеря — социалистический и капиталистический.

Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г. с вторжения нацистской Германии на территорию Польши. Благодаря превосходству в технике, прежде всего самолетов и танков, а также применению новой стратегии взаимодействия моторизованных и танковых соединений с авиацией, немецким войскам уже в первую неделю боев удалось прорвать польскую оборону и нанести сокрушительные удары по польским частям³. 28 сентября войска вермахта вошли в Варшаву, 6 октября капитулировали последние соединения польской армии⁴.

¹ Блицкриг в Европе, 1939–1941: Польша / Под ред. Б. Лозовского. М., 2004. С. 5.

² Арнтц Г. Людские потери во Второй мировой войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.; М., 1998. С. 597–600.

³ Прохтор Д. М. Война в Европе, 1939–1941. М., 1963. С. 79.

⁴ Прохтор Д. М. Война в Европе, 1939–1941. М., 1963. С. 122, 140.

Свою роль в столь быстром падении Польши сыграли и события на Востоке: 17 сентября 1939 г. советско-польскую границу перешли части РККА. Перед Красной Армией стояла задача взять под контроль Западную Украину и Западную Белоруссию, что и было вскоре осуществлено¹. В некоторых монографиях эти совместные действия Германии и СССР получили название четвертого раздела Речи Посполитой², но если немецкая кампания в Польше 1939 г. в большинстве работ освещается с позиции «Германия — агрессор, Польша — жертва», то ввод частей РККА в Западную Украину и Западную Белоруссию, отторжение от Польши части земель, в том числе в пользу Литвы, а также последующие за этим события, связанные с польскими пленными, разными исследователями квалифицируются по-разному.

До нападения нацистской Германии на СССР 22 июня 1941 г. в нашей стране не было издано работ, посвященных событиям 1939–1940 гг., однако на страницах периодических изданий они нашли самое широкое отражение. Агрессия против Польши, оккупация Прибалтики, присоединение Бессарабии в «Правде» получили название освободительного похода³. Послевоенной советской историографией эта позиция была несколько смягчена: «Польское правительство 16 сентября бежало в Румынию, оставив народ и страну, которых оно своей недальновидней политикой довело до национальной катастрофы. В этих условиях Советское правительство вынуждено было осуществить дипломатические и военные акции, чтобы защитить население Западной Украины и Западной Белоруссии от фашистского порабощения. Верное своему интернациональному долгу, правительство СССР отдало приказ Советской Армии 17 сентября 1939 г. перейти государственную границу и предотвратить дальнейшее продвижение гитлеровской агрессии на восток. Советские войска выполнили этот приказ»⁴. Подобная точка зрения сохранялась в советской историографии вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг., то есть до начала политический преобразований в СССР.

В наши дни взгляд на проблему несколько изменился, хотя в целом его можно определить как неоднозначный. Стали доступны исследования западных авторов, увидели свет работы отечественных специалистов, которые по-иному оценили роль СССР на начальном этапе Второй мировой войны, были

¹ Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939: Советско-польские конфликты 1918–1939. М., 2009. С. 208–210.

² Лебедева Н. С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // Другая война, 1939–1945. М., 1996.

³ Правда. 1939. 30 сент. (№ 270).

⁴ История второй мировой войны 1939–1945 гг.: В 12 т. Т. 3: Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974. С. 37.

открыты некоторые архивные фонды и опубликованы документы, позволившие по-новому взглянуть на роль СССР в той войне.

Одной из первых таких работ стала монография М. И. Семиряги «Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941»¹. Несмотря на то, что в ней высказан ряд спорных утверждений, это исследование оказало влияние на все последующие работы, посвященные событиям 1939–1940 гг., и поныне представляет огромный интерес.

Указанная выше монография М. И. Мельтюхова охватывает период с 1918-го по 1940 г. Привлекая большое количество архивных материалов, воспоминаний, отечественных и зарубежных периодических изданий, богатую историографию, автор дает оценку не только боевым действиям в ходе советско-польской войны 1919–1921 гг. и событиям 1939 г., но и достаточно полно характеризует политические, дипломатические и экономические контакты между СССР и Польшей в 1920–30-е гг., анализирует польско-немецкие отношения тех лет. На наш взгляд, в своих работах Мельтюхов старается дать наиболее объективную оценку событий данного периода. В частности, он не отрицает агрессивный характер вмешательства СССР, приводит факты жесткого обращения с пленными, с польским населением Западной Украины и Западной Белоруссии.

Иной точки зрения в работе «Польша против СССР, 1939–1950» придерживается Е. В. Яковлева. Она считает, что действия Советского Союза в 1939–1940 гг. были правомерными, поскольку сложившаяся в августе-сентябре 1939 г. ситуация не оставила иного выбора руководству страны, а все претензии, которые поляки предъявляют России как правопреемнице СССР, «оплачены 9 мая 1945 года». Итоговая мысль книги сводится к следующему: поляки должны быть благодарны Российской Федерации за освобождение от немцев, поскольку это покрывает все, что произошло между СССР и Польшей в XX в.² С такой позицией согласиться сложно.

Общественный деятель Ю. И. Мухин ряд своих книг и фильмов также посвятил истории Польши в годы Второй мировой войны³. Вину за расстрел польских офицеров в Катыни он возлагает на Германию, пытается доказать не причастность к этим событиям СССР, и обвиняет польский Сейм и некоторых членов Государственной Думы РФ в русофобии. Он также оправдывает дей-

ствия СССР против Польши в 1939-м и в Прибалтике в 1940 г. В целом же его позиция является крайне спорной и противоречивой. Большинство специалистов как в нашей стране, так и за рубежом не принимают подобную трактовку событий. С другой стороны, части российского общества идеи Мухина близки, а его фильм «Катынская подлость», который является экранизацией его же книг, пользуется популярностью. В этой связи стоит напомнить, что в России на высшем государственном уровне было признано: ответственность за катынские расстрелы лежит непосредственно на Сталине и Берии.

Обстановка в Европе летом 1939 г. и советско-польские отношения до августа 1939 г.

В ходе кровопролитной советско-польской войны 1919–1921 гг. молодому Польскому государству удалось отстоять свою независимость. Согласно Рижскому мирному договору 1921 г., территории Западной Украины и Западной Белоруссии отошли к Польше. Все 1920-е гг. советско-польские отношения оставались крайне напряженными. На польской территории нашли новую родину многие противники большевистского режима, некоторые из них вели борьбу с советской властью. Такой их деятельности польское правительство не препятствовало, а порой даже оказывало поддержку, в результате чего в начале 1930-х гг. отношения между СССР и Польшей трудно было назвать добрососедскими.

События лета-осени 1939 г. широко освещались в советской прессе — в пропагандистской деятельности политического руководства страны печатные издания всегда играли большую роль. Посмотрим, каким образом в этот период официальные издания — центральные и региональные газеты — информировали читателя о событиях в Европе, как освещали начальный период Второй мировой войны, при этом особое внимание обратим на реакцию советской печати на подготовку и принятие советско-германского договора от 23 августа 1939 г., на начало германо-польской войны и советско-польский конфликт. Мы также попытаемся понять, как менялись Германии и образ Польши и как был обоснован ввод в сентябре 1939 г. частей Красной Армии на территорию Польши.

О скрытой от простых советских людей стороне происходящего мы узнаём из документов, которые вошли в сборник «Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939–1941»¹.

¹ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992.

² Яковлева Е. В. Польша против СССР, 1939–1950. М., 2007. С. 387.

³ Мухин Ю. И. Катынский детектив. М., 1995; Он же. Антироссийская подлость: Научно-исторический анализ: Расследование фальсификации Катынского дела Польшей, Генеральной прокуратурой России с целью разжечь ненависть поляков к русским. М., 2003; Он же. Крестовый поход на Восток: «Жертвы» Второй мировой. М., 2004.

¹ Оглашению подлежит: СССР—Германия, 1939–1941: Документы и материалы / Сост. Ю. Фельштинский. М., 2004.

Летом 1939 г. о Польше писали еще в целом нейтрально, в то время как о Германии чаще всего негативно. Так, газета «Правда» от 5 июня 1939 г. (№ 154) сообщала:

Варшава. 3 июня. Вчера полномочный представитель СССР в Польше тов. Шаронов вручил верительную грамоту президенту польской республики Мосьцицкому. При вручении грамот тов. Шаронов и президент польской республики Мосьцицкий обменялись речами.

В июне-июле о Польше были опубликованы и другие вполне нейтральные материалы, в то же время тон статей о Германии был устойчиво негативным. Вплоть до августа 1939 г. примерно в таком же ключе об этих странах писали и другие советские периодические издания.

Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора

В августе 1939 г., после подписания СССР и Германией пакта о ненападении, тон советской прессы кардинальным образом изменился, что резюмировал посол Третьего рейха в Москве Ф.-В. фон дер Шуленбург:

Неожиданное изменение политики советского правительства после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, все-таки не очень хорошо понимается населением. Особенности сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как подменили. Не только прекратились все выпады против Германии, но и преподносимые теперь события внешней политики основаны в подавляющем большинстве на германских сообщениях, а антигерманская литература изымается из книжной продажи и т. п.¹

Публикуемые в августе-сентябре 1939 г. на страницах советских газет материалы часто не отражали реального положения дел. Анализ дипломатической переписки этого периода между Москвой и Берлином позволяет понять преследуемые СССР и Германией истинные цели.

Министр иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентроп 16 августа 1939 г. отправил в Москву телеграмму послу Шуленбургу, в которой просил его сообщить Молотову о желании Германии заключить на 25 лет пакт о ненападении, а также о ее решимости «не терпеть бесконечно польские провокации». Риббентроп также информировал посла о своем желании в бли-

жайшие две недели посетить Москву¹. По словам Шуленбурга, ответ советского правительства гласил, что оно в первую очередь заинтересовано в заключении экономического соглашения, и лишь затем в совместном пакте о ненападении или в подтверждении договора 1926 г. о нейтралитете. Стоит отметить, что Польша в этом документе даже не упоминается².

Огромный интерес представляет следующая телеграмма, отправленная Риббентропом в Москву уже в ночь с 18-го на 19 августа. В ней министр иностранных дел просит посла ускорить ход переговоров, мотивируя это тем, что польско-германские отношения стремительно ухудшаются и «в любой день могут произойти столкновения, которые сделают неизбежным начало военных действий». С учетом этого Риббентроп предлагает немедленно начать прямые устные переговоры в Москве. Кроме того, в телеграмме идет речь об официальном тексте пакта и судьбе прибалтийских государств³.

Отдельного внимания заслуживает заключенный 9 августа 1939 г. торговый договор между СССР и Германией. Он предусматривал предоставление Германией кредита в размере 200 млн германских марок сроком на семь лет для закупки германских товаров и поставку товаров из СССР на сумму 180 млн марок в течение двух лет⁴. Этот договор стал первым среди соглашений, которые в 1939 г. были заключены между Германией и СССР.

Тот факт, что немцы спешили с заключением пакта, лишний раз подтверждает 20 августа направленная Гитлером Сталину телеграмма⁵. В ней рейхсканцлер соглашается с ранее утвержденным официальным текстом пакта Молотова–Риббентропа и предлагал в кратчайшие сроки выработать к нему Секретный дополнительный протокол, а также прямо пишет о скором начале военных действий против Польши:

Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой. Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами⁶.

Ответ Сталина был получен в Берлине на следующий же день. Сталин соглашался на переговоры и 23 августа приглашал Риббентропа посетить Мо-

¹ Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 279 от 6 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 92.

¹ Телеграмма № 179 от 16 августа 1939 г. // Там же. С. 43–44.

² Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 182 от 17 августа 1939 г. // Там же. С. 43–46.

³ Телеграмма № 185 от 18 августа 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 48.

⁴ Торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией // Там же. С. 55.

⁵ Риббентроп послу Шуленбургу: Телеграмма № 189 от 20 августа 1939 г. // Там же. С. 57–59.

⁶ Там же. С. 58.

скву¹. Как видим, переговоры шли в большой спешке, и немцы не скрывали, для чего им необходимо срочное заключение договора. Весьма примечателен тот факт, что расхождения между Москвой и Берлином существовали только по посвященному разделу сфер влияния Дополнительному протоколу². Это подтверждает телеграмма Риббентропа, отправленная в Берлин за несколько часов до подписания пакта. В ней имперский министр иностранных дел информирует фюрера, что последним препятствием на пути заключения пакта является невхождение портов Либавы (Лиепая) и Виндава (Вентспилс) в советскую зону влияния³. В тот же день, в 23.00, Москва получила ответ Гитлера, что он не возражает против отнесения двух латвийских портов к зоне советских интересов⁴, и договор был подписан.

Любопытно, как в октябре 1939 г. Риббентроп описывал Шуленбургу начало переговоров:

Я прибыл в Москву 23 августа для переговоров и заключения от имени Фюрера пакта о ненападении с Советским Союзом. Я начал переговоры со Сталиным и Молотовым с заявления, что я не прибыл в Москву, как сделали в свое время делегаты Англии и Франции, просить Советский Союз о вооруженной помощи на тот случай, если Англия заставит германское правительство вступить в войну. В таком случае германское правительство не будет нуждаться в помощи, но будет располагать достаточной военной силой для того, чтобы самому подняться на борьбу против Польши и своих западных недругов и довести ее [борьбу] до победного конца. На это Сталин с характерной для него ясностью и точностью искренно ответил: «Отказом в самом начале [переговоров] от какой-либо военной помощи Советов Германия заняла гордую позицию. Советский Союз, однако, заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы военных сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию»⁵.

24 августа 1939 г. центральной темой советских газет стало заключение советско-германского договора о ненападении. Так, в 243-м номере газеты «Правда» была помещена небольшая заметка, посвященная ходу переговоров по вопросу заключения пакта, а также его текст. По понятным причинам Секретный дополнительный протокол опубликован не был. Большой интерес представляют следующие строки из «Правды»:

¹ Риббентроп послу Шуленбургу: Телеграмма № 189 от 20 августа 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 61–62.

² Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. С. 270.

³ Телеграмма № 204 от 23 августа 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 66.

⁴ Телефонграмма № 205 от 23 августа 1939 г. // Там же. С. 67.

⁵ Телеграмма № 594 от 17 октября 1939 г. // Там же. С. 148–149.

Заключение договора между СССР и Германией является, несомненно, фактом крупнейшего международного значения, ибо договор представляет собой инструмент мира, призванный не только укрепить добрососедские и мирные отношения между СССР и Германией, но и служить делу всеобщего укрепления мира. Вражде между Германией и СССР кладется конец. Различия в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета.

Однако если обратиться к тексту Дополнительного протокола, миролюбивый характер замыслов СССР и Германии начинает вызывать сомнения. Помимо планов разграничения сфер влияния в прибалтийском регионе и подчеркнутого интереса СССР к Бессарабии, отдельного внимания заслуживает ст. 2 протокола, речь в которой идет о Польше:

В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия¹.

В целом до августа 1939 г. тон советской прессы по отношению к нацистской Германии сложно назвать дружелюбным. В частности, в газете «Правда» от 31 июля 1939 г. (№ 210) была опубликована статья Томаса Манна «Империалистическая война — заговор против народа»:

Фашизм пытается удержаться у власти при помощи потрясений и кризисов, ставя весь свет под угрозу войны. Он находит в других странах сообщников, которые помогают ему держаться у власти. Но германский народ хочет прав, а не «протекторатов». Он хочет получить собственную свободу, а не покорять чужие народы. <...> Того, чего требует германский народ, его нынешние правители никогда не смогут ему дать. Поэтому фашизму остается в конечном счете одно — ввергнуть страну в войну. <...> У него нет будущего, как нет будущего и у тех, кто подает ему руку. Уступки, которые предоставляются фашизму, договоры, соглашения, заключаемые с целью отсрочить его гибель, — все это делает войну еще более неизбежной, ускоряет ее развязку. Есть лишь один прямой путь — борьба за ликвидацию фашизма. Германский народ свергнет фашистский режим. Я утверждаю, что к этому идет дело.

¹ Секретный дополнительный протокол [23 августа 1939 г.] // Там же. С. 69–70.

Если обратить внимание на слова об «уступках, которые предоставляются фашизму...», становится очевидным: автор весьма недвусмысленно намекает на то, что соглашения Великобритании, Франции и Германии, прежде всего так называемый Мюнхенский сговор, лишь усиливают амбиции Третьего рейха. Но не прошло и месяца с момента публикации его статьи, как СССР заключит с Германией соглашение явно из разряда делающих войну «еще более неизбежной».

Но как на страницах советских газет читателю объяснялось столь резкое изменение внешней политики страны?

1 сентября 1939 г. на первой полосе газеты «Правда» (№ 242) был опубликован текст сообщения Молотова о советско-германском договоре, накануне, 31 августа, прочитанный им на заседании Верховного Совета СССР. Молотов тогда говорил:

Например, с наивным видом спрашивают, как Советский Союз мог пойти на улучшение политических отношений с государством фашистского типа? Разве это возможно? Но забывают при этом, что дело идет не о нашем отношении к внутренним порядкам другой страны, а о внешних отношениях между двумя государствами. Забывают о том, что мы стоим на позиции невмешательства в дела других стран и соответственно этому стоим за недопущение какого-либо вмешательства в наши собственные внутренние дела.

И далее:

Советско-германский договор подвергся многочисленным нападениям в англо-французской и американской прессе... Полагаются распространять неправду, что будто бы заключение советско-германского договора о ненападении помешало переговорам с Англией и Францией о пакте взаимопомощи. Эта ложь уже заклеена в интервью т. Ворошилова. В действительности, как известно, дело обстоит наоборот. Советский Союз заключил пакт о ненападении с Германией, между прочим, в силу того обстоятельства, что переговоры с Францией и Англией натолкнулись на непреодолимые разногласия и кончились неудачей по вине англо-французских правящих кругов... Эти люди требуют, чтобы СССР обязательно втянулся в войну на стороне Англии против Германии. Уж не с ума ли сошли эти зарвавшиеся поджигатели войны? (Смех)... Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть воюют сами, без Советского Союза. (Смех. Аплодисменты.) Мы бы посмотрели, что это за воюя. (Смех. Аплодисменты.)

Как видим, советского читателя пытались убедить не только в миролюбивых замыслах СССР, но и в желании Советского Союза и Германии обеспечить мир в Европе. Великобритании и Франции, наоборот, приписывалось желание втянуть Страну Советов в войну с Германией.

Любопытно, что 2 сентября в «Правде» (№ 243) появилась статья, анализирующая речь Гитлера о ратификации советско-германского договора:

[Из произнесенной 1 сентября в Рейхстаге речи Гитлера] «Россия и Германия управляются на основе двух различных доктрин. Германия не станет экспортировать свою государственную доктрину, и если Россия не намеревается экспортировать доктрину в Германию, то эти две сильнейшие страны в Европе не имеют основания быть врагами. Борьба между Германией и СССР может быть выгодна только третьим державам». Пакт был ратифицирован и в Берлине, и в Москве в четверг [31 августа], сказал Гитлер. Гитлер заявил, что он может присоединиться к каждому слову, которое сказал народный комиссар по иностранным делам Молотов в связи с этим...

Стоит также отметить, что, хотя в своей речи Молотов не раз говорил о потеплении отношений между Германией и СССР, он подчеркнул, что оценка советским руководством «государств фашистского типа» остается негативной. Несмотря на это утверждение, если до августа 1939 г. в советской прессе регулярно появлялись заметки, критикующие положение дел в таких государствах, то после подписания пакта о ненападении подобных публикаций уже не найти.

Сентябрь 1939 г. Германо-польская война

1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу — началась Вторая мировая война.

Первые сообщения о новой странице всемирной истории появились в советской прессе 2 сентября 1939 г., и были они очень краткими. Одна из заметок, опубликованная в том же 243-м номере «Правды», начинается словами:

По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения германских военно-воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше.

Гораздо больше внимания периодические издания в те дни уделяли успехам хозяйственной деятельности колхозов и промышленных предприятий, а также введению всеобщей воинской повинности и подготовке к мобилизации. О ходе боевых действий на польско-германском фронте сообщалось скупое, и можно было заметить некоторую симпатию к действиям немцев.

В это же самое время между Москвой и Берлином велась активная секретная переписка. 3 сентября Риббентроп отправил Шуленбургу следующую телеграмму:

Мы безусловно надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы,

которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих в русскую сферу влияния.

Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах¹.

5 сентября в Берлине был получен ответ:

Молотов попросил меня встретиться с ним сегодня в 12.30 и передал мне следующий ответ Советского правительства: «Мы согласны с вами, что в подходящее время нам будет совершенно необходимо начать конкретные действия. Мы считаем, однако, что это время еще не наступило. Возможно, мы ошибаемся, но нам кажется, что чрезмерная поспешность может нанести нам ущерб и способствовать объединению наших врагов. Мы понимаем, что в ходе операций одна из сторон либо обе стороны могут быть вынуждены временно пересечь демаркационную линию между своими сферами влияния, но подобные случаи не должны помешать непосредственной реализации намеченного плана»².

Как видим, подготовка к советской агрессии против Польши началась уже в первых числах сентября, первый же большой материал о войне появился в «Правде» лишь 14 сентября (№ 255) — в тот день на ее первой полосе увидела свет статья «О внутренних причинах поражения Польши»:

Хотя с момента начала военных действий между Германией и Польшей прошел какой-либо десяток дней, уже можно утверждать, что Польша потерпела военный разгром, приведший к потере почти всех ее политических и экономических центров. <...> В ходе военных действий между Германией и Польшей нельзя привести фактов сколько-нибудь серьезного сопротивления польских войск наступлению германской армии, фактов какого-либо частичного успеха поляков на том или ином оперативном направлении.

Причину поражения Второй Речи Посполитой «Правда» видит в том, что в Польше только 60% населения — поляки, остальные — украинцы, белорусы, евреи и проч. Украинцев в Польше, по данным газеты, проживало более 8 млн человек, белорусов — более 3 млн. Положение украинцев и белорусов характеризует якобы национальное угнетение, ибо правящие круги Польши сдела-

ли все, чтобы свои восточные окраины превратить в бесправные колонии и отдать их на разграбление польским панам. И далее:

Свое господство над национальными меньшинствами правящие круги Польши поддерживают карательными экспедициями, полевыми судами, бешеным террором, разжиганием межнациональной розни.

Таким образом советское правительство попыталось разыграть национальную карту, или, как сообщал в те дни германскому МИДу посол Шуленбург, осуществить «защиту русских меньшинств»¹. А «Правда» в той же статье уверяла: «В этом отношении политика Польши ничем не отличается от угнетательской политики русского царизма...», то есть Польша сравнивалась с «тюрьмой народов» — царской Россией и читателя подводили к мысли о том, что долг СССР — спасти народы преступного государства. Именно эта статья начала готовить общественное мнение к событиям, которые последовали после 17 сентября.

Между тем министр иностранных дел Третьего рейха предложил обнародовать совместное германо-советское коммюнике с целью «политической поддержки выступления Советской Армии»:

Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, Имперское Правительство и Правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них [Германии и СССР] естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов².

В той же телеграмме Риббентроп просил уточнить день начала советского наступления на Польшу. Ответ был получен в Берлине на следующий день:

Советское правительство намерено мотивировать свои действия следующим образом: польское государство распалось и более не существует, поэтому аннулируются все соглашения, заключенные с Польшей; третьи державы могут попытаться извлечь выгоду из создавшегося хаоса; Советский Союз считает своей обязанностью вмешаться для защиты своих украинских и белорусских братьев и дать возможность этому несчастному населению трудиться спокойно³.

¹ Телеграмма № 253 от 3 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 88–89.

² Телеграмма № 264 от 5 сентября 1939 г. // Там же. С. 89–90.

¹ Телеграмма № 350 от 14 сентября 1939 г. // Там же. С. 97.

² Риббентроп послу Шуленбургу: Телеграмма № 360 от 15 сентября 1939 г. // Там же. С. 101.

³ Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 371 от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 102.

Стоит отметить, что, несмотря на активную переписку 15–17 сентября между Москвой и Берлином, в эти дни тему войны в Европе советские газеты обходили стороной, посвящая ей лишь небольшие заметки.

В ночь с 16-го на 17 сентября Шуленбург был приглашен в Кремль, где в присутствии Молотова и Ворошилова Сталин ему сообщил, что в 6 часов утра части РККА перейдут польско-советскую границу¹. Шуленбург информировал Берлин о просьбе Сталина проследить за тем, чтобы немецкие самолеты не пересекали линию Белосток — Брест — Литовск — Львов. В его телеграмме речь также шла о скорой отправке советской делегации в Белосток и о совместном решении все военные вопросы выяснять Ворошилову напрямую с военным атташе Германии в Москве Э. Кёстрингом².

Большой интерес вызывает состоявшаяся вечером 17 сентября беседа Сталина и Шуленбурга. Будущий генералиссимус высказал опасения, что немецкие части, которые на тот момент находились восточнее утвержденной в Москве линии Писса — Нарев — Висла — Сан, нарушат условия договора и не вернутся на запад. Посол подтвердил, что руководство Третьего рейха намерено неотступно следовать московским соглашениям. Он также отметил, что отвод войск с данных территорий соответствует интересам Германии, и пояснил, что в этом случае могут быть «высвобождены войска для западного фронта». Сталин ответил, что «он не сомневается в добрых намерениях германского правительства»³. На следующий день слова посла были подтверждены Риббентропом, который телеграфировал в МИД Германии:

Я предписываю, чтобы Вы сказали господину Сталину, что Вы сообщили в Берлин о Вашей встрече с ним и что теперь Вы по моему наставлению информируете его о том, что соглашения, которые я заключил в Москве по поручению Фюрера, будут, конечно же, соблюдаться и что они рассматриваются нами как фундамент новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом⁴.

«Польский поход РККА»

Если в «Правде» от 17 сентября события на западных рубежах СССР даже не упоминаются, то уже в номере от 18 сентября (№ 259) Польше посвящено сразу несколько статей. Так, на первой полосе опубликована нота правитель-

ства СССР, которая утром 17 сентября была вручена польскому послу в Москве. Вот выдержки из данной ноты:

Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. <...> Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. <...> Советское правительство не может... безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными. Ввиду такой обстановки Советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Любопытно, что в этот документ внес свои коррективы Шуленбург. В первоначальном варианте, который ночью 17 сентября Сталин прочел послу, было три пункта, которые тот охарактеризовал как «для нас не приемлемые». В ответ на возражения посла Сталин, как впоследствии писал в МИД Германии сам Шуленбург, «с предельной готовностью изменил текст так, что теперь нота вполне нас удовлетворяет»¹. Таким образом, тот опубликованный в «Правде» текст, который был отправлен польскому послу и представителям других государств, был составлен при участии посла Третьего рейха в Москве.

В 259-м номере «Правды» была опубликована и речь Молотова от 17 сентября:

Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу.

Стоит отметить, что еще 16 сентября Молотов следующим образом объяснил Шуленбургу мотивы советского руководства:

Советское правительство, к сожалению, не видело какого-либо другого предлога, поскольку до сих пор Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше и должен был так или иначе оправдать за границей свое теперешнее вмешательство².

Как видим, «освобождение братских народов» было не более чем официальным поводом начать боевые действия против Польши — реальные же цели Союза ССР были иными. В этом же номере «Правды» ряд статей посвящен прокатившимся по всей стране митингам, на которых рабочие и кре-

¹ Wyszczelski L. Warszawa 1939. Warszawa, 2009. S. 147.

² Телеграмма № 372 от 17 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 104.

³ Риббентроп послу Шуленбургу: Телеграмма № 385 от 18 сентября 1939 г. // Там же. С. 106–107.

⁴ Телеграмма от 19 сентября 1939 г. // Там же. С. 111.

¹ Телеграмма № 372 от 17 сентября 1939 г. // Там же. С. 104.

² Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 371 от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 102.

ствия выражали свою радость по поводу «освобождения братских народов из-под панского ига».

На следующий день на страницах «Правды» (№ 260) было обнародовано совместное германо-советское коммюнике, на заключении которого, как уже говорилось, с самого начала настаивали немцы:

Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования.

Если обратиться к телеграмме, которую 15 сентября отправил в Москву Риббентроп, то можно отметить, что текст, опубликованный на страницах главной газеты СССР, и текст, составленный министром иностранных дел Третьего рейха, во многом схожи.

Газета «Красная Звезда» — центральный орган Наркомата обороны — регулярно публиковала сводки с польско-советского фронта. Так, в номере от 18 сентября 1939 г. (№ 214) помещена оперативная сводка Генштаба РККА:

С утра 17 сентября войска Рабоче-Крестьянской Красной Армии перешли границу по всей западной линии от реки Западная Двина (наша граница с Латвией) до реки Днестр (наша граница с Румынией). Отбрасывая слабые передовые части и резервы польской армии, наши войска к вечеру 17 сентября достигли: На севере — в Западной Белоруссии — м. Глубокое, ст. Парафианово, овладели железнодорожным узлом Молодечно и м. Воложин. На юге — в Западной Украине — наши войска заняли: города Ровно, Дубно, Збараж, Тарнополь, Каломый. Наша авиация сбила: 7 польских истребителей и вынудила к посадке 3 тяжелых бомбардировщика, экипажи которых задержаны. Население встречает повсеместно части Красной Армии с ликованием.

Таким образом, советская печать не скрывала, что части РККА принимают участие в боях против армии Польской республики. Газеты каждый день информировали читателей об успешном продвижении войск Красной Армии на запад, о слабости польских сил, о радостной встрече местным населением красноармейцев.

В то же время в «Правде» публиковались заметки о реакции зарубежной прессы на ввод на территорию Польши частей РККА¹. В целом реакция

¹ См., например: Правда. 1939. 20 сент. (№ 261).

на агрессивную политику Германии была сдержанной: ее противники опасались ссоры с СССР.

А в это время между Москвой и Берлином велась оживленная дипломатическая переписка: стороны обсуждали будущее польских территорий. 19 сентября Шуленбург писал в Берлин:

Молотов заявил мне сегодня, что Советское правительство считает, что теперь для него, как и для правительства Германии, созрел момент для окончательного определения структуры польских территорий. В связи с этим Молотов дал понять, что первоначальное намерение, которое вынашивалось Советским правительством и лично Сталиным, — допустить существование остатка Польши — теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии Писса — Нарев — Висла — Сан¹.

Ответ Риббентропа был получен в Москве через три дня:

Мы... считаем, что пришло время определить договором с Советским правительством окончательную структуру польских территорий. Идея русских о пограничном рубеже по линии хорошо известных четырех рек в общем совпадает с точкой зрения Имперского правительства².

Стоит отметить, что идею создать буферное Польское государство высказывали и высшие лица Третьего рейха: так, начальник Генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдер 7 сентября в своем дневнике записал:

Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области [Западной] Украины — самостоятельны³.

23 сентября 1939 г. в «Правде» (№ 264) было обнародовано новое советско-германское коммюнике от 22 сентября:

Германское правительство и правительство СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков.

¹ Телеграмма № 395 от 19 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 101.

² Риббентроп послу Шуленбургу: Телеграмма № 417 от 22 сентября 1939 г. // Там же. С. 114.

³ Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск, 1939–1942 гг.: В 3 т. Т. 1: От начала войны с Польшей до конца наступления на Западном фронте (14.8.1939 г.–30.6.1940 г.). М., 1968. С. 108. О Ф. Гальдере см.: Залесский К. А. Кто был кто в Третьем рейхе. М., 2002. С. 163.

Между тем на польско-советском фронте продолжались боевые действия, и газеты исправно об этом писали. Так, 24 сентября в «Красной Звезде» (№ 219) была обнародована следующая сводка с фронта:

Вчера доблестные части Красной армии начали движение к демаркационной линии, установленной Правительствами СССР и Германии. По дополнительным сведениям захвачено в плен свыше 8 000 польских солдат и офицеров, 2 000 лошадей и несколько эшелонов с военным имуществом.

28 сентября об этом написала и «Правда» (№ 269):

В течение 27 сентября части Красной армии, продолжая продвижение к демаркационной линии, заняли Грабово (западнее Августова 15 клм.), Мазовецк, Дрогичин, Краснотав, ст. Завада (западнее Замостье 10 клм.), Краковец, Мосциска и ст. Сянки (район истоков реки Сан). Операции по очищению территории Западной Белоруссии и Западной Украины от остатков польских войск продолжаются.

В целом можно сказать, что на страницах советских газет боевые действия отражались не в полной мере, однако сводки, пусть и урезанные, все же публиковались¹.

Особого внимания заслуживает судьба Вильно (Вильнюса), который в 1922 г. отошел к Польше. С самого начала переговоров с Германией руководство СССР подчеркивало свою заинтересованность в возвращении Литвы Виленского края. Так, в Секретном дополнительном протоколе пакта Молотова–Риббентропа содержатся следующие строки:

Северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами².

Этот свой интерес советская сторона подчеркивала и позднее. В телеграмме МИДу Германии от 16 сентября Шуленбург писал:

Молотов срочно запросил разъяснения, что станет с Вильно. Советское правительство очень хочет избежать столкновения с Литвой и поэтому хотело бы знать, достигнута ли какая-либо договоренность с Литвой относительно района Вильно и кто, в частности, оккупирует город³.

В итоге между СССР и Германией было заключено следующее соглашение:

Территория Литовского государства отошла в сферу влияния СССР, в то время когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу влияния Германии⁴.

Таким образом, Литва получила Виленский край и вошла в орбиту влияния СССР. В свою очередь Германия также получила часть польских и литовских земель.

Приведенный выше текст является частью Секретного дополнительного протокола к германо-советскому договору о дружбе и границе между СССР и Германией, заключенному в Москве 28 сентября 1939 г. Первые сообщения о начале переговоров о заключении самого договора появились в «Правде» накануне, 27 сентября (№ 268):

По приглашению правительства СССР 27 сентября с.г. в Москву прибывает Министр Иностранных Дел Германии г-н фон Риббентроп для обсуждения с правительством СССР вопросов, связанных с событиями в Польше.

На следующий день в «Правде» (№ 269) была опубликована статья о продолжавшейся более двух часов встрече Риббентропа и Шуленбурга со Сталиным и Молотовым в преддверии подписания ими договора, и 29 сентября «Правда» (№ 270) опубликовала его официальный текст. Разумеется, появившиеся тогда же конфиденциальный и два секретных протокола напечатаны не были. Обнародованный текст договора начинался словами:

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям.

Договор состоял из пяти статей: стороны признали границу, которая проходила по «территории бывшего Польского государства», обязались на данных территориях не вмешиваться в дела друг друга и не допустить влияния на это решение третьих держав, а также выразили обоюдное желание развивать дружеские отношения между собой. Он также включал конфиденциальный и два секретных дополнительных протокола. В конфиденциальном протоколе стороны обязались не мешать перемещению лиц германского происхождения на территорию Третьего рейха, а также не препятствовать перемещению лиц украинского и белорусского происхождения на территорию СССР¹. В первом секретном протоколе, как говорилось ранее, речь шла о судьбе Вильно, во втором стороны обязались не допускать направленной против каждой из заинтересованных сторон агитации, а также обмениваться информацией².

¹ Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. С. 182.

² Секретный дополнительный протокол // Оглашению подлежит. С. 69.

³ Телеграмма № 371 от 16 сентября 1939 г. // Там же. С. 102.

⁴ Секретный дополнительный протокол // Там же. С. 121.

¹ Конфиденциальный протокол [28 сентября 1939 г.] // Оглашению подлежит. С. 120.

² Секретный дополнительный протокол // Там же. С. 121–122.

Большой интерес представляет освещаемая советской прессой реакция на заключение данного договора официальными лицами. В 270-м номере «Правды» от 29 сентября опубликована речь Молотова, в которой, в частности, говорится:

После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов.

Таким образом Германия и СССР констатировали прекращение существования Польши как суверенного государства, а также официально обвиняли в затягивании конфликта Великобританию и Францию. Молотову словно вторит Риббентроп, речь которого была опубликована в «Правде» 30 сентября 1939 г. (№ 271):

Мое пребывание в Москве опять было кратким... Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

1. Германо-советская дружба теперь установлена окончательно.
2. Обе стороны никогда не допустят вмешательство третьих держав в восточно-европейские вопросы.
3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии.
4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это.

Мы видим, что речи Молотова и Риббентропа во многом схожи: помимо призывов к Великобритании и Франции заключить мир с Германией обе державы декларируют недопустимость вмешательства какой-либо страны в их политику в Восточной Европе, тем самым сохраняя сложившиеся положение дел в регионе и делая невозможным возрождение Польши.

31 октября на заседании Верховного Совета Молотов подвел своеобразный итог событиям сентября-октября 1939 г.:

Правящие круги Польши не мало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей. <...> Нечего доказывать, что в момент полного распада Польского государства наше правительство обязано было протянуть руку помощи проживающим на тер-

ритории Западной Украины и Западной Белоруссии братьям-украинцам и братьям-белорусам. <...> При боевом продвижении Красной армии по этим районам у наших воинских частей были местами серьезные стычки с польскими частями, а стало быть, были и жертвы. <...> Общее количество жертв, понесенных Красной армией на территории Западной Белоруссии и Западной Украины, составляет: убитых — 737, раненых — 1862, то есть в целом — 2599 человек... Перешедшая к нам территория Западной Украины вместе с территорией Западной Белоруссии составляет 196 тысяч квадратных километров, а ее население — около 13 миллионов человек, из которых украинцев — более 7 миллионов, белорусов — более 3 миллионов, поляков — свыше 1 миллиона, евреев — свыше 1 миллиона¹.

В плен были взяты 454 700 польских военнослужащих, было захвачено и вывезено в СССР большое количество военного имущества и трофеев, которое немцы, в соответствии с секретным договором от 21 сентября, оставили СССР². Таким был итог «польского похода РККА».

В октябре на бывших польских территориях прошли выборы в народные собрания, которые, несмотря на очень демократичное законодательство, были безальтернативными. В итоге избранные таким образом народные представительства повсеместно провозгласили советскую власть. Эти органы вышли с ходатайствами в Верховный Совет СССР о воссоединении отторгнутых земель с УССР и БССР. В ноябре 1939 г. Пятая сессия Верховного Совета эти просьбы удовлетворила³.

В 1939–1941 гг. в СССР не было издано ни одного исследования, посвященного «польскому походу РККА», однако оценку тем событиям ровно через год после ввода частей Красной Армии на территорию Второй Речи Посполитой дали советские газеты. Так, 17 сентября 1940 г. на первой полосе издававшейся в Каунасе газеты «Труженик» (№ 63) была опубликована статья, начинающаяся следующими словами:

Сегодня исполняется год со дня освобождения народов Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских помещиков и капиталистов. 17 сентября 1939 года по приказу Советского правительства, Красная армия перешла границы бывшей панской Польши, неся народам Западной Украины и Западной Белоруссии мир, свободу, право на землю, фабрики и заводы, право на труд и на жизнь... <...> ...Властители панской Польши проводили колонизаторскую политику в отношении Западной Белоруссии... Расцвела и белорусская культура, которую ясновельможные паны старались вытравить, уничтожить. Белорусский народ они называли «быдлом», его язык был запрещен.

¹ Правда. 1939. 1 нояб. (№ 303).

² Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939. С. 448.

³ Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. С. 101–102.

Так же в 1940 г. оценивали эти события и другие газеты. Их отношение к Польше кардинально изменилось только после 22 июня 1941 г., когда войска вермахта вторглись в пределы СССР.

Заключение

Во Второй мировой войне колоссальные потери понесли все стороны конфликта, однако Польше в ней была уготована особая роль: Второй Речи Посполитой было суждено не только принять на себя первый удар нацистской Германии, но и через 16 дней подвергнуться нападению со стороны СССР. Сочетание неблагоприятных для Польши факторов — особенностей географического положения, захватнических устремлений соседей, сложной внутривойсковой ситуации, ряда дипломатических ошибок, проблемы с техническим оснащением вооруженных сил — привело к тому, что польский народ надолго, как писал один из офицеров Войска Польского, оказался «между советским молотом и нацистской наковальней»¹. Польше выпало стать разменной монетой в дипломатической игре Германии и СССР. На основе дипломатической переписки, договоров, обнародованных сразу после их подписания, и секретных соглашений, опубликованных многие годы спустя, автор попытался проследить ее участь сквозь призму трагических событий эпохи.

Летом 1939 г. советская пресса кардинально изменила свое отношение к нацистской Германии. Если в июле на страницах газет публиковались статьи, явно враждебные Третьей рейхе, то уже в сентябре они носили дружественный характер. Переход был очень резким, для многих неожиданным, и обусловлен он был тем, что между Москвой и Берлином велись отчасти тайные переговоры. Именно этой закулисной игре было суждено решить судьбу Польши и других государств Восточной и Северной Европы (Прибалтики и Финляндии). Советский Союз и Германия не только согласовывали совместные военные действия, в частности сроки выступления Красной Армии², но и обсуждали возможность создания марионеточного польского государства. Немецкий посол принимал участие в подготовке ноты, которая 17 сентября была вручена польскому послу в Москве, а днем позже опубликована на страницах советских газет.

¹ Газел С. Убить, чтобы жить: Польский офицер между советским молотом и нацистской наковальней. М., 2005.

² Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 308 от 9 сентября 1939 г. // Оглашению подлежит. С. 94.

Советская пресса оперативно отражала изменение политического курса страны, а с 14 сентября начала готовить общественное мнение к одобрению ввода на территорию Польши частей Красной Армии. На страницах «Правды» были опубликованы десятки статей о тяжелом положении во Второй Речи Посполитой украинцев и белорусов и о слабости польской армии и других польских государственных институтов, а также о. В то время как советские газеты постоянно подчеркивали миролюбивые замыслы СССР, а с октября 1939 г. и стремление Германии заключить мирные соглашения с Великобританией и Францией, Москва и Берлин обсуждали планы «польского похода РККА»¹.

Достиг ли Советский Союз тех целей, которые 17 сентября были заявлены руководством страны, то есть «освобождения братских народов из-под панского ига»? Хотя Западная Украина и Западная Белоруссия вошли в состав СССР, это не было добровольным актом, поскольку состоявшиеся в октябре 1939 г. выборы в народные собрания, инициировавшие обращения в Верховный Совет с просьбой о присоединении этих территорий к СССР, были проведены с огромным количеством нарушений и не отражали реальных взглядов населения. Меньше чем через два года после заключения пакта Молотова–Риббентропа Германия нарушила договоренности с СССР и напала на нашу страну. Этой войне было суждено стать самой трагичной страницей ее истории, и только благодаря храбрости, мужеству и самоотверженности наших соотечественников нацистская Германия была разбита. Общая беда заставила поляков и русских на время забыть старые обиды: в 1941 г. было подписано соглашение о совместных боевых действиях против гитлеровцев, в 1942-м на территории СССР началось комплектование польских частей, которые бок о бок с союзниками сражались на фронтах Второй мировой. Тем не менее память о событиях, предшествовавших 17 сентября 1939 г., до сих пор живет в сердцах поляков, и наш долг не только не забывать о тех днях, когда погибла Вторая Речь Посполитая, но и ясно осознавать, что роль СССР в начале Второй мировой войны отличалась от его роли в Великой Отечественной войне.

¹ Посол Шуленбург в МИД Германии: Телеграмма № 317 от 10 сентября 1939 г. // Там же. С. 95–96.